

С. Блэкберн

ПРОФЕССОР ЧЕГО УГОДНО

(рецензия на книгу У. Эко «Кант и утконос»)

S. Blackburn. ProfessorWhatever // New Republic

(<http://magazines.eneews.com/020700/blackburn020700.html>)

I

Название новой книги Умберто Эко вполне отвечает рекламе его торговой марки: умные темы, тайное знание, странные закоулки философии и истории, а также естественной истории, огромные интеллектуальные перспективы, ощущение игры. Читатели, которых прельщает такая перспектива, наверняка уже знакомы с его романами *Имя розы* и *Маятник Фуко*. Но их следует предупредить, что интеллектуальная температура в новой вещи Эко гораздо выше. В книге *Кант и утконос* Эко возвращается к своим академическим интересам в семиотике, или теории знаков и коммуникации.

Новая книга не делает никаких уступок. Она вводит читателя в круг таких трудных мыслителей как Хайдеггер, Кант и Пирс, и надо добавить, знакомит читателя с их худшими сторонами. Говорят, что Эко принадлежит такая характеристика своей книги: «Это трудная книга. Ее нельзя читать, просто перелистывая страницы. Каждая стра-

ница требует напряженной двухнедельной работы с карандашом. Другими словами, не покупайте ее, если вы не Эйнштейн». Такой бахвальство – назовем это Эко-терроризм – определенно отвечает духу книги, которая явно является продуктом человека, в ком чувство сомнения развито меньше других амбиций, к числу которых можно отнести ощущение себя интеллектуалом, или же страсть к обличью священника или мага.

Книга Эко не поддается классификации, как и утконос, фигурирующий в названии. Это не философская работа, или научное исследование в области когнитивных наук, хотя она имеет сходство с двумя этими областями. Однако в отличие от *Алисы в стране чудес*, это не развлечение, хотя она и занимательна местами, а в других пассажах пытается быть таковой. Подобно утконосу, она имеет что-то общее с одним, и что-то общее с другим. Ее характер четко схвачен в предупреждении издателя: «Воздерживаясь от формальной, систематической трактовки вопросов, Эко вовлекается в серию исследований...» Но выглядит это несколько неискренне: возникает впечатление, что формальная систематическая трактовка чего-либо находится прямо за углом, даже наличествует тут, и Эко просто скромно сомневается в том, стоит ли представлять ее нам.

Однако, сказать по правде, трудно вообразить себе, от чего собственно воздерживается Эко. Он не из тех людей, кто концентрируется определенное время на одной теме, что является необходимым условием формальной и систематической мысли. Он «многостаночник», который любит производить на своих читателей впечатление, и сбивать их с толку; темы сталкиваются друг с другом, и все хотят завладеть вниманием читателя. Я почти готов сказать, что мы видим скорее порхание бабочки, а не полет ястреба; но оба эти создания летают в чистом воздухе, тогда как мы находимся в болоте, и большую часть времени в состоянии удушья. После чтения некоторых пассажей мы ухитряемся вымученно улыбнуться, но вообще-то говоря предупреждение Эко о том, что не следует покупать книгу, вполне основательно, независимо от того, Эйнштейн вы или нет.

Справедливо будет начать с положительных сторон книги. Это книга очень умного человека, который чудовищно много читает. Отдельные главы или очерки производят впечатление определенного вклада в обсуждение серьезных философских проблем. И когда Эко позволяет нам воспарить в воздух, мы часто обнаруживаем себя на стороне ангелов. Он замечает, например, что неправильно полагать,

что «все пойдет» (*anything goes*). Есть реальный мир, который хотя и допускает различные описания и интерпретации, тем не менее, сопротивляется ложному или неадекватному мышлению. Если на вашем пути есть препоны, и вы не осознаете этого, дела ваши идут хуже; и они идут достаточно плохо, чтобы показать, что собственно плохо в представлении, согласно которому нет ничего за пределами текста. Если вы выступаете против этого, вы познаете реальность. Язык, говорит Эко, не создает Бытия из ничего.

Печально, что все это нужно повторять, и стоит напомнить, что даже идеалист Беркли говорил это. И все же, поскольку существуют такие территории в академии, в которых истина и реальность объявлены опасными животными, приятно иметь таких больших интеллектуалов как Эко на правой стороне. Кстати говоря, употребляемое Эко понятие сопротивляемости напоминает девиз – *les choses sont contre nous* – «вещи против нас» – «сопротивленческой» школы философов, изобретенной юмористом Полем Дженнингсом. В его шутовском объяснении дело выглядит так, что французы вывели этот девиз посредством своей безжалостной логики («Из этого следует то, или же это изложено на французском»), в то время как эмпирически настроенные англичане установили это путем бросания бутерброда на пол, обнаруживая при этом, что бутерброд падает маслом на ковер с частотой, находящейся в прямой зависимости от ценности ковра. Эко полагает, в весьма напыщенном стиле, что сопротивление это есть проявление Бытия – или, как можно было бы менее серьезно выразиться, это просто одна из этих вещей.

Эко может быть весьма хорош при обсуждении ограничений на интерпретацию – как того можно было и ожидать, учитывая, что *Маятник Фуко* был пространной аллегорией идиотического ничем не ограниченного безумия, состоящего в том, что одна вещь рассматривается в качестве знака другой. Проблема с этой книгой состоит в том, что в ней скептицизм нем. От нас требуется предварительно уделить весьма значительное внимание к нумерологии, Каббале, Протоколам Сионских мудрецов, Розенкрейцерам, и прочему зверинцу, прежде чем нам будет позволено избавиться от них, и даже в этом случае такое позволение является не совсем чистосердечным, что достаточно любопытно. В своей новой книге Эко еще более честен, вероятно, порывая со своей буйной юностью.

В самом деле, наиболее интересной философской частью книги является защита Эко твердыни подлинно фиксированного значения,

которая возвышается среди моря переинтерпретаций. Он сообщает о дебатах с Ричардом Рорти, который упоминает право на то, чтобы интерпретировать отвертку в качестве полезной вещи для копания в ухе, и ответ Эко весьма показателен.

Отвертка может также служить для того, чтобы открывать сумки (при условии, что инструмент имеет острие для преодоления сопротивления); но не стоит использовать ее для копания в ухе точно по той причине, что она остра и слишком длинна для того, чтобы контролировать действия при совершении такой деликатной операции; так что лучше будет использовать для этой цели не отвертку, а палочку с намотанной на ней ватой.

Вообще-то трудно вообразить, что Рорти на самом деле вводит себя в такое состояние ума, в котором кажется странным, что инструменты водопроводчика отличаются от инструментов врача. Но может быть, он действительно находится в таком состоянии. Быть может, это является следствием прагматизма. В любом случае, как однажды заметил Дж. Остин, когда кое-что говорится, всегда кое-что требует оговорок.

Эко также весьма искусен в описании истины в вымысле, как это видно из следующего пассажа:

Говорят, что нарративные миры всегда являются малыми мирами, потому что они не составляют максимального и полного состояния вещей... В этом смысле нарративные миры являются паразитическими, потому что если не специфицированы альтернативные свойства, мы принимаем как само собой разумеющееся свойства реального мира. Если в *Моби Дике* нет точного утверждения о том, что все моряки на борту Пекода имеют две ноги, то читатель неявно подразумевает это, поскольку моряки являются людьми. С другой стороны, по поводу того, что Ахаб имеет одну ногу, есть специальное объяснение, но при этом, насколько я помню, не говорится, какой именно ноги у него нет, что оставляет простор нашему воображению.

Другой пример сноровки Эко требует некоторой оговорки. Рассмотрим почтенную проблему – почему зеркало отражает левое как правое, но не верх как низ? Эко пространно обсуждает зеркало, и дает короткое, но вполне убедительное решение проблемы (это весьма необычно, так как в общем Эко лелеет загадки, нежели их разгадки). Эко утверждает, что зеркало вообще ничего не перевертывает. Он приглашает нас представить не зеркало, а «глазной протез», третий глаз, который расположен на указательном пальце. Если мы указываем им на

себя, мы получим взгляд, который свойственен человеку, который находится перед нами, что равносильно взгляду, который дает нам зеркало. Именно этот взгляд «перевертывает» правое на левое, но это означает просто, что он идет в противоположном направлении по отношению к нашему нормальному взгляду. В сноске Эко не преминул ушипнуть Ричарда Грегори:

Грегори также цитирует Гарднера... который тоже делает явное наблюдение, что зеркало вообще ничего не перевертывает. Но этого Грегори недостаточно, и он добавляет другой резон для удивления: что зеркало также перевертывает глубину, то есть, если мы удаляемся от зеркала по направлению, скажем на север, отражение удаляется от нас по направлению на юг, и становится все меньше (Я хотел бы добавить, что вряд ли отражение идет прямо на нас). Но, говорит Грегори, зеркало не перевертывает восхождение и сходжение. Все, что вы можете предполагать в отношении зеркала, это представить его в виде глазного протеза, или глаза на указательном пальце, и это позволит мне видеть, что я мог бы видеть, если бы кто-нибудь находился бы передо мной: если кто-нибудь отходил бы от меня, его отражение становилось бы меньше, но если бы у него было большое пузо, тогда отражение будет оставаться на месте.

Опять-таки, это удивительно. Игривость работает превосходно. Проблема состоит в том, что некоторое размышление показывает, что если это теория Эко, то она попросту неверна. Взгляд в зеркале не есть взгляд, получаемый как если бы это был взгляд кого-то, кто стоит перед вами, и это не взгляд, получаемый глазом, который находится перед вами. Для того, чтобы убедиться в этом, держите перед грудью книгу и смотрите в зеркало. Вам будет трудно читать книгу. Но человек, глядящий на вас, будет читать вполне нормально; если вы сейчас попросите вашего партнера поддержать книгу и встать перед вами, вы также не будете иметь трудностей в чтении. Письмо в отражении не появляется ни в одной из этих теорий. (Я говорю «если это теория Эко», потому что здесь и в других местах он проявляет дар уклончивости, и весьма трудно понять, во что он на самом деле верит).

Пассажи, приведенные выше, приятно юмористичны. Но как заметил несколько лет назад Бернард Уильямс, подлинное остроумие Эко перемежается с вещами, которые скорее обескураживают, чем веселят. В новой книге мы могли бы подвергнуть пассажи, которые я только приводил, длинному и тщательному упражнению, в котором Эко очерчивает «карту» — на самом деле, две карты — вымышленного

города, называемого Ванвиллем. Улицы и достопримечательности этого города названы именами, которые взяты из сочинений философа Куайна. Единственный интеллектуальный смысл упражнения, которое простирается на десяти страницах, состоит в том, чтобы показать, что трудно локализовать вещи, ссылаясь на достопримечательности, когда эти достопримечательности исчезли. Высшим мотивом кажется желание показать близкое знакомство с сочинениями Куайна, и с самим Куайном. Эко говорит, что для близких друзей "«Виллад вэн Орман Куиан был известен как просто Вэн». Не знаю, насколько претензия на близкое знакомство оправдана, но в обоих случаях ситуация просто ужасна. И к тому же, почему в прошлом времени, ведь Куайн все еще среди нас? (Книга и рецензия писались в то время, когда В.Куайн был еще жив – В.Целищев).

II

До преподнесения Канта или утконоса книга *Кант и утконос* дарит нам главу о Бытии. Вот типичный пример:

Как говорит Хайдеггер в работе *Бытие и время*, ужас (*Angst*) составляет открытость Бытия-здесь его существованию как Бытию, заброшенному к своему концу; согласимся с этим, и с тем, что грамматический субъект этой заброшенности бытия есть *Dasein*. Но тогда почему сразу же после этого говорится, что «ввиду ужаса, Бытие открыто Бытию-здесь», и что Бытие Бытия-здесь есть главный вопрос? Бытие Бытия-здесь есть чистая тавтология. Бытие-здесь не может быть основано на чем-то, при условии, что оно «заброшено» (почему? Потому что оно есть). Откуда приходит этот *Das Sein*, который открывает себя Бытию-здесь, если Бытие-здесь, которое открывает себя, есть сущность среди сущностей?

В самом деле, откуда? Было бы неправильно высмеивать это до разъяснений, потому что философы имеют право на свою терминологию. Гораздо лучше высмеять это позднее.

Так вот: сказать, что нечто открывает себя Бытию-здесь, значит сказать, что люди думают о нем. Мы все знаем, что такое *Angst*: это страх смерти и абсурдность бытия, и все такое. Нечто заброшено к нам, если мы ничего не можем сделать с этим, хотя, надо признать, это не объясняет того, почему наше существование заброшено «к своему собственному концу», что бы это ни значило. Если мы хо-

тим узнать, что такое Бытие, нам следует много раз обернуться назад. «Здесь то, что мы имеем в виду под словом Бытие: Нечто». С другой стороны, «Бытие есть горизонт, или водная оболочка анатомии, в которой естественно движется наша мысль». Я не знаю, быть может, я веду необычно суматошную жизнь, но я считаю трудным примирить два этих утверждения. Что-то ударило в бампер моей машины на прошлой неделе, но я не верю, что это был горизонт или амниотическая жидкость.

Согласен, что не следует понимать это буквально; но тогда мы должны спросить себя, как мы должны воспринимать это. «Бытие существует даже до того, как о нем что-то сказано». Бытие также высказывает на латинском: «Бытие есть *id quod primum intellectus concipit quasi notissimum*. Мы также имеем ответ на вопрос «Почему есть Бытие, а не Ничто (почему есть Нечто, а не Ничто)?». Ответ, приведенный выше, таков: «Потому что есть». И все же этот ответ, который, как настаивает Эко, должен «приниматься не вполне серьезно», через две страницы оказывается устаревшим, когда нам говорят, что «не надо удивляться, почему есть Бытие; это сверкающая очевидность».

Все это может помочь понять читателю цитированный мною выше пассаж, а может и не помочь. Препирательство Эко с Хайдеггером напоминает мне мастодонтов, ломящихся сквозь первобытные болота. И поскольку мы ведем счет в этой схватке, дело обстоит очень похожим образом. Хайдеггер полагает, что только из-за страха смерти люди осознают себя, и вероятно, мир вокруг себя. Это аналогично взгляду стойков, согласно которому люди ищут государственных должностей и воздвигают себе памятники только из-за страха смерти. Это не очень убедительные идеи, но если Хайдеггер наткнулся на эту идею, тогда ответ Эко, что сознание «заброшено» или даже представляет «чистую тавтологию», бьет мимо цели. Сознание и самоосознание достойны объяснения, и такие эмоции как страх смерти могли бы быть частью такого объяснения, хотя это звучит не очень правдоподобно.

Так что же идет не так как надо? Размышления о Бытии имеют корни в Пармениде, Платоне, Плотине, Ансельме и Аквинском. Сам по себе разговор о Бытии вполне респектабелен. Нереспектабельным является способ такого размышления о бытии, при котором оно уходит в сторону в результате неясности оракула. Эко охотно сотрудничает с Хайдеггером в создании этой неясности, но Хайдеггер имеет хоть какое-то оправдание, будучи по образованию теологом. Весьма утомительно следить за тем, как интеллектуалы извлекают трюки из баналь-

ных мыслей – природа вызывает тошноту у мыслящих людей; иногда они приходят в беспокойство, иногда они размышляют о смерти, о том, что современный мир ужасен – и все эти размышления проводятся в терминах Бытия, Бытия-Здесь, Бытия себя раскрывающего, *Angst*, и так далее. Но на самом деле все эти вопросы имеют огромную важность, что видно из знаменитого стишка

Ну и порядочки.
Ректор Хайдеггер
Сказал «Пусть Бытие
Будет истиной.

Higgedly piggedly
Herr Rektor Heidegger
Said to his students:
“To Being be true!

Дабы не впасть вам
В неаутентичность.
Я в это верю
И Фюрер со мной».

Lest you should fall into
Inauthenticity.
This I believe --
And the Fuhrer does too!”

Вслед за стенаниями по поводу потери приюта Бытия вы вскоре начинаете строить планы по возвращению его. Оказывается, что это требует аутентичности, которая лучше всего раскрывается через романтическое видение в стиле 19-ого века немой античной чистоты, Отечества, крови, и судьбы. Вы тогда обнаруживаете, что поиск требует политического выражения, такого как нацистская партия, чья уникальная связь с изначальным Бытием столь поразила Хайдеггера. Сон разума рождает чудовищ, и еще больших чудовищ. Или как сказал Вольтер, те, кто может заставить вас верить в абсурд, может заставить вас совершить зверства. Хорошая новость состоит в том, что Эко не опасен, определенно не опасен до такой степени, чтобы порождать чудовищ, и его собственные интересы лежат не в области онтологии или космологии. Его увлеченность Хайдеггером есть просто сертификат глубины мысли. На самом деле Эко интересуется природой знаков и понимания.

III

Если в книге Эко и есть центральная тема, то это проблема универсалий, или же отношение конкретных вещей и общих категорий. Эко вводит эту тему через случаи, где мы натываемся на вещи, которая ставят в сложное положение предыдущие классификации. Когда Мар-

ко Поло прибыл на Яву, он увидел носорога, которого посчитал низкорослым единорогом. Когда испанская кавалерия прибыла в Новый Свет, подданные Монтесумы не могли понять, что они видят, и является ли виденное одним животным или двумя.

Кант никогда не видел утконоса, и мог только слышать о нем в конце жизни. Но Эко поднимает вопрос о том, как бы Кант реагировал на бестию, которая не уместается в знакомые биологические категории. Я не совсем понимаю, почему этот вопрос представляется интересным. Подобно другим, Кант столкнулся бы с проблемой подгонки своего научного наследия к новому опыту. Неясно, дала бы его критическая философия определенное понимание этого процесса, или подсказала бы она ему резоны для оформления этой подгонки. На самом деле, как допускает Эко, вопрос является спекулятивным, потому что Кант почти ничего не говорил о повседневных, малого масштаба эмпирических концепциях, таких как «собака» или «стул» (или «утконос»). Он был более счастлив с высокими абстрактными концепциями, такими как субстанция и время, или пространство и причинность, а ведь даже утконос есть существо во времени, занимающее пространство, твердый объект, подверженный гравитации.

И, тем не менее, Эко желает привязать Канта к утконосу. Поэтому он отправляет нас к той главе *Критики чистого разума*, в которой Кант говорит о способах применения концепций к опыту. Даже здесь неясно, говорит ли Кант о повседневных эмпиристских концепциях. Эта глава называется *Схематизм чистых концепций понимания*, что противоречит этому предположению, так как чистые концепции понимания являются большими абстрактными категориями. В любом случае, глава была известна как настоящее препятствие на пути к пониманию даже во времена Канта. Якоби называет ее «наиболее восхитительной и наиболее таинственной из всех непостижимых тайн и мистерий». Многие современные комментаторы вообще отбрасывают ее в сторону. Они полагают, что Кант поставил перед собой такой вопрос, на который нет ответа, типа «каково правило применения правил к опыту?» или «Каков рецепт для использования этого рецепта?». Суть упреков состоит в том, что не может быть правила для применения правил в общем. Любой ответ будет регрессивным, приводя к другому правилу или другому рецепту, относительно которых можно задать тот же самый вопрос.

Эта мораль часто приписывается Витгенштейну, который и в самом деле был адептом обнаружения скрытого регресса в различных

представлениях объяснения. Например, мы склонны чувствовать, что спонтанные суждения должны быть объяснены наличием, в глазах нашего ума, диаграмм или матриц или маленьких картин, которые говорят нам о том, на что мы смотрим. Поэтому если нам приказывают взять красный цветок, мы вероятно делаем это, вызывая в воображении красную картину, и затем выбирая цветок, который имеет достаточное сходство с картиной. Витгенштейнский комментарий к этому в *Голубой Книге* убийственен – одно из наилучших кратких опровержений в философии:

Но это не единственный способ поиска и не обычный путь. Мы идем, глядя вокруг нас, к цветку и выбираем его, не сравнивая его ни с чем. Для того, чтобы убедиться, что процесс выполнения приказа может быть именно таким, рассмотрим приказ «вообрази красное пятно». У вас нет желания полагать в этом случае, что перед выполнением приказа вы должны вообразить красное пятно, которое могло бы служить образцом для красного пятна, которое вам было приказано вообразить.

Витгенштейн указывает, что должен быть положен конец конструированию интерпретаций слов (диаграмм или образов). Должна быть поставлена точка, после которой мы должны идти вперед и делать то, что нам говорят, не консультируясь ни с какими ментальными диаграммами или словами вообще.

И все же это как раз то, что отмечает сам Кант непосредственно до знаменитой главы о схематизме. Так что благожелательность требует от нас, чтобы мы нашли в действиях Канта нечто большее, чем совершение ошибок, против которых он сам предупреждает. Самое лучшее предположение, полагаю я, состоит в том, что он серьезно относится к своему собственному предупреждению, когда говорит об «искусстве сокрытия в глубинах души, чьи подлинные виды активности природа вряд ли позволяет нам открыть, или даже показать нашему взору». Это искусство есть искусство суждения, и разум, который скрыт в глубинах души, это тот самый разум, который не может быть сведен к набору правил, рецептов или критериев. Не может быть он сведен к представлению разуму, как это имеет место с картиной или даже словом по причинам, изложенным Витгенштейном. Даже когда картины, диаграммы и слова проплывают перед взором нашего ума, суждения появляются только тогда, когда мы берем их правильно. Суждения тогда требуют чего-то спонтанного, находящегося вне разума; но это «что-то» есть предварительное условие любого приложения разума.

Все это может показаться очень таинственным. Мы не очень-то довольны понятием искусства, сокрытого в глубинах души. Но здесь мы сталкиваемся с некоторым основанием, несознательным использованием привычек и обычаев, которые идут в ход при обычном освоении мира. Когда подходит очередь осознания вещей, мы просто делаем это. Ни здравый смысл, ни философское размышление не говорят нам большего. Может быть дальнейшая наука о функционировании мозга позволит нам объяснить это, и конечно, существует масса данных о том, что случается при нарушении этих функций; но Эко явным образом говорит нам, что не собирается делать никакого вклада в эту науку.

Что же тогда делает Эко? Он пространно говорит об общем и частном, о природе символизации, но никоим образом не ясно, что Эко понял витгенштейновскую точку зрения или же кантовскую точку зрения. Он постоянно возвращается к идее приложения диаграммы, или картинки, или схемы, как если бы они были существенными, но таинственными элементами в объяснении процесса суждения. Вероятно, семиотика представляет собой такое приглашение к этой идее. Семиотика есть изучение того, что случается, когда одна вещь предстает как знак другой вещи. Предположение о том, что это и есть фундаментальный мыслительный процесс, есть тогда предположение, что мыслительный процесс сводится к сравнению одной вещи с другой. Но это как раз то, чему противились и Кант, и Витгенштейн.

IV

Трудно сказать, что тут собственно происходит, и столь же трудно сказать, обращается ли Эко к мистериям или же он творит их. И это, однако, не все. Вероятно, не очень осмотрительно Эко обращается, храбро и самонадеянно, к относительно ясным проблемам современной философии. И здесь возможен более определенный вердикт относительно его философии.

Видные интеллектуалы в области литературы часто оперируют технической терминологией математической логики или философии языка. Один мой друг слышал как-то разговор в Кембридже по поводу дела Деррида, предложение о присуждении которому почетной степени вызвало серьезное сопротивление джентльменов. Журналист, освещающий возникший скандал, спросил Видного Интеллектуала в Ли-

тературе, в чем заключается важность Деррида. «Ну», сказал тот со снисходительной наглостью, «Гедель показал, что любая теория противоречива, если у нее нет поддержки извне, а Деррида показал, что нет этого извне».

Здесь есть, по крайней мере, три примечательные вещи. Во-первых, того, что якобы сделал Гедель, вообще не может быть, поскольку существует весьма много непротиворечивых теорий. Во-вторых, Гедель на самом деле не доказал этого, и не пытался доказать. В-третьих, не имеет смысла говорить, что противоречивая теория могла бы стать непротиворечивой, будучи «поддержанной извне», что бы это ни значило. (Противоречивость есть вещь упорная; вы можете избавиться от нее не добавлением, а лишь отниманием). Так что Деррида якобы сделал, так же невозможно, как и невозможно то, что якобы сделал Гедель.

Такие ошибки приводят к провалу на экзамене по философии или логике на первом курсе. Однако это обстоятельство не производит особого впечатления в мире Видных Интеллектуалов в Литературе. В их мире простое упоминание Геделя, подобно типичному заклинанию типа «иерархий» и «метаязыков», создает впечатление чего-то страшно глубокого и страшно научного. Это придает Видному Интеллектуалу в Литературе лестный образ человека, которому по плечу самые трудные и глубокие проблемы, образ импрессарио страшно трудных вещей. Я полагаю, что журналист упал в обморок.

Эко не состоит в лиге представленных мною Видных Интеллектуалов в Литературе. Он взял на себя труд прочитать значительное число работ в области современной философии языка. Он проявляет знакомство с Куайном, Патнэмом, Дэвидсоном и Крипке. Вероятно, англо-американская традиция должна быть благодарна ему за это, так как немногие фигуры в континентальной Европе берут на себя этот труд. Эко также делает интересные замечания по поводу реальных проблем в некоторых разделах англо-американской традиции, особенно, проблем пустых терминов и выдуманных персонажей. И все же Эко имеет тревожащую тенденцию все время сходить с рельсов. Я заранее приношу свои извинения за некоторые детали, нужные мне в доказательство моей правоты, но это только потому, что сам Эко разбрасывает технические детали по ходу изложения перед своими читателями.

Хорошим примером является использование Эко понятия «твердого десигнатора». Этот технический термин был введен Солом

Крипке. Он описывает свойство, принадлежащее именам и индексальным выражениям («этот», «я», «здесь») в естественном языке; и это свойство отличает эти выражения от других указывающих выражений, особенно дескрипций («первая собака, рожденная в море», «родной город Канта»). Короче, «твердость» тут означает, что при использовании имени даже при разговоре о странных возможностях вы все еще говорите так, как будто это имя действительно указывает объект. Поэтому если я говорю, «Если бы политические границы были слегка другими, население Кенигсберга говорило бы на латышском языке», я все еще говорю о том же самом городе Кенигсберге. Но если я говорю, «Если бы его родители переехали на юг, родным городом Канта был бы Берлин», дескрипция «родной город Канта» вряд ли говорит о Кенигсберге. Потому что я не хочу сказать, что если бы родители Канта переехали на юг, Кенигсберг стал бы Берлином. Я говорю, что Берлин мог бы быть тем городом, в котором Кант мог бы родиться и вырасти. Именно это имеется в виду, когда говорят, что дескрипции не являются твердыми десигнаторами, каковыми являются собственные имена.

Эко много говорит о твердых десигнаторах. К несчастью, он описывает их весьма расплывчато; с его точки зрения твердый десигнатор указывает на одну и ту же вещь «во всех возможных мирах», и затем неправильно использует это описание, поскольку при этом нет возможности того, что одно и то же имя указывает на различные вещи. Это неверное понимание, против которого явным образом возражал Крипке. При таком непонимании, конечно, идея твердого десигнатора будет совсем скандальной, так как всегда возможно взять термин и использовать его различным образом. Люди дают своим собакам клички «Аристотель» или «Тосканини». Довольно странно полагать, как это делает Эко, что Крипке и его сторонники не заметили, что индексальные выражения типа «этот» могут указывать на разные вещи в разных контекстах. Это было бы похоже на ситуацию, когда, указывая на цветок, и говоря «Это роза», вы не могли бы сказать, указывая на другой цветок «Это орхидея».

Такая грубая ошибка приводит Эко к предположению, что твердая десигнация «независима от всего знания или намерения или веры говорящего». Это ведет его к натянутой спекуляции об указании термина, фиксированного Божественным Умом или Бесконечным Умом, как если бы Бог закрепил связь между именами и вещами. Это приводит Эко также к неправильному пониманию другого знаменатель-

ного эпизода в современной философии языка. Философ Хилари Патнэм однажды предложил мысленный эксперимент с «близнецом Земли», в которой воображается точно такая же Земля, как и наша, кроме того, что вода на ней имеет другой химический состав, скажем XYZ. Согласно Патнэму мы можем вообразить, что человек на близнеце Земли говорит о «воде». Эко интерпретирует Патнэма так: человек указывает тем самым на близнеце Земли на H_2O , потому что Эко предполагает, что именно это имеется в виду под твердым десигнатором. Но Патнэм говорит совершенно противоположное, а именно то, что при этом указывалась бы не вода, но состав, который будет напоминать воду, XYZ, которая не есть вода, а субститют. Эко виновен не только в этой ошибке, но и в другой: он даже упрекает Патнэма в противоречивости, забыв свое раннее противодействие идее о том, что указание фиксировано магией, чем-то вроде Божественного Ума вне нас.

В другом месте Эко говорит нечто неудобоваримое по поводу одной из самых знаменитых статей в современной философии – *Две догмы эмпиризма* Куайна 1951 года. В этой статье Куайн атаковал всю позитивистскую программу, основанную на двух догмах. Позднее, в 1973 году, в почти такой же знаменитой статье *Об идее концептуальной схемы* Дональд Дэвидсон провозгласил, что даже очищенный эмпиризм, освобожденный от двух догм, все еще зависит от третьей догмы. Эко представляется как человек, знающий все эти вещи. «Я осознаю», пишет он, «что третьей догмой эмпиризма, о которой говорит Дэвидсон, является утверждение о существовании предложений наблюдения, независимых от общей системы предложений».

Проблема состоит в том, что это не так. Это вторая догма эмпиризма, провозглашенная Куайном, называемая редукционизмом, и отношение к ней Куайна выражается тем, что «наши утверждения о внешнем мире предстают перед трибуналом чувственного опыта не индивидуально, а только как единое целое». А третья догма эмпиризма Дэвидсона состоит в предположении, что существует дуализм «схемы и содержания» – различие между миром, который ждет того, чтобы его организовали, и концептуальной схемой, которая его организывает. И, подобно Крипке, Дэвидсон явно настаивает на различии его догмы от двух остальных.

Всякий может поскользнуться, но я подозреваю, что Эко не выработал правильного отношения к третьей догме Дэвидсона, потому что он сам опирается на нее в существенной степени. Он постоянно спеку-

лирует по поводу того, как ум использует категории, схемы, когнитивные типы, язык и вывод для организации и установления порядка в не дифференцируемом «континууме». А может быть, семиотика поощряет способность к неправильному пониманию. Есть и другие примеры: я хотел бы добавить сюда кошмарную попытку Эко объяснить идеи польского логика Альфреда Тарского, но это явно не для семейного чтения.

V

Имеет ли все это значение? Всякому, кто знает кое-что о Крипке, Патнэме, Куайне или Дэвидсоне, все это кажется последним звонком, бросающим тень сомнения на все остальное. Но Эко отмахивается от деталей, и публика, к которой он обращается, не мудрее его в этом отношении. С более широкой точки зрения, можно подумать, что не так уж важно, что Видные Литературные Интеллектуалы то тут, то там сбиваются с пути. Если все, что вы хотите делать с палочкой, состоит в том, чтобы повернуть ее, то неважно, что вы держитесь не за тот конец.

Как бы то ни было, игривость Эко определенно может быть оправдана. Очень трудно критику статью на чью-либо сторону, а публике трудно допустить, что в работе, которой она восхищается, есть какие-то недостатки. Вы не можете эффективно критиковать *Алису в стране чудес* на том основании, что она не имеет смысла, потому что именно в этом и состоит ее шарм. В случае Эко, однако, ляпсусы не являются частью шарма. Он говорит так, что их надо как будто принимать серьезно, как вклад в науку, скромное хранилище ценной человеческой мысли. Так они и воспринимаются многими читателями, не исключая самого автора.

Проблема тут не поверхностном, пародийном стиле постмодернизма, берущего все наскоком, и которому нечего сказать по фундаментальным проблемам. Но с Эко тут общие корни. В знаменитой рецензии в философском журнале *Mind* в 1961 году П. Медавар говорил о злоупотреблении биологией и эволюционной теорией в Феномене человека Тейяра де Шардена. Медавар спрашивал, как вся эта штука воспринимается публикой. Он отчетливо идентифицировал состояние ума, которое требует восхищения, таким образом: «Это действительно за пределами моих бедных мозгов, и не показывает ли это, насколько важной и фундаментальной должна быть проблема?». Это явление представляет собой интеллектуальную версию пассивно-

агрессивного синдрома в психологии – что-то вроде проявления гордости при собственном унижении. Новичок должен доверять мастеру все больше, по мере того, как мастер все больше унижает его; а доверие к мастеру является допуском новичка в число избранных.

Я делаю сравнение с новичком по той причине, что пока мы не поймем этого, мы будем приходить в ярость от невежливости, которую демонстрирует Эко в своей книге по отношению к читателю. Он не дает переводов на другие языки, и им свободно по ходу книги используется латынь. Его книга обращена к общей публике, и не представляет собой специализированной монографии. И все же в ней предполагается, что читатель знаком с такими вещами как философская терминология Пирса – нечто такое, что вряд ли кто может понять. Книга также предполагает знакомство с трудными и техническими разделами логики, а также философии языка. Эко также столько раз ссылается на собственные работы, что эти ссылки трудно переварить, и кроме того, ведет непрерывную перестрелку со своими сотоварищами-семиотиками. Весьма немногие читатели не почувствуют себя коварно униженными.

И мы можем видеть, что унижение спланировано, подобно подшучиванию над новичками в братстве. Читатели такой книги должны радоваться, что у них есть трудности с ее пониманием. Однако в то же самое время публика не должна думать, что это простое чтение. Такая публика не тождественна публике *Алисы*, которые наслаждаются собственными затруднениями просто потому, что наслаждаются ощущением границ обычной логики и обычного хода событий. Перед читателями *Алисы* открываются перспективы, в то время как перед читателями Эко (или Тейяра) тупик. Эти книги не могут заставить мыслить, и напротив, они доставляют удовольствие спящему разуму, и находят комфорт в существовании тайн.

Важно понять, что неудача тут никак не связана с приверженностью той или иной философской школе. Ведь Эко восхитительно эклектичен. Но это не имеет это ничего общего с правом интеллектуала имитировать ученого, заимствуя у него технические термины и трудные словари. Умственное удушье, которое я описал, не причиняется трудными словарями. И все же Эко оставляет нас после чтения некоторых строк разочарованными и даже сердитыми, потому что нет ясности относительно того, обсуждает ли он реальную проблему, или же что собственно он хочет сказать о ней. Неудача, я полагаю, заключается в определенном виде литературно-философского чванства, обску-

рантистского незнания, благодушии, которое стирает различие между истинным мастерством техники и обманной ее имитацией.

Когда я заканчивал чтение книги Эко, передо мной стоял образ из комикса, персонаж которого бежит по краю пропасти и не глядит вниз. Он может бежать, пока не глядит вниз. Умберто Эко никогда не глядит вниз. И если он отказывается замечать обрыв, вероятно он прав, полагая, что его читающая публика тоже не замечает обрыва. В этом, подобно утконосу, он приспособился к конкретному окружению – в этом случае, к интеллектуальному окружению. Но то, что он произвел, должно сильно обеспокоить нас относительно этого вездесущего окружения.

История мистификации А. Сокала настолько известна, что нет смысла комментировать ее. Но вот, что представляет интерес, так это собственная философия Сокала, корни его убеждений и мотивы обличения континентальной философии.